

**ВЫСШАЯ ШКОЛА РЕГИОНА: «ХРАМ НАУКИ»
ПРОТИВ «ФАБРИК КАДРОВ» (1920–1930-е годы)***

А. П. Суходолов, Д. Я. Майдачевский

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
23 сентября 2016 г.

Дата принятия к печати
12 октября 2016 г.

Дата онлайн-размещения
31 октября 2016 г.

Ключевые слова

Высшее образование;
Восточно-Сибирский
государственный университет;
Сибирский финансово-
экономический институт;
практико-ориентированное
образование; «сталинская»
индустриализация

Аннотация

В жизни Байкальского государственного университета грядет юбилейный год: в 2017 г. исполнится 110 лет экономическому образованию в регионе, традиции которого вуз продолжает и в наши дни. Юбилей — хороший повод для обращения к прошлому. Не за тем, чтобы протянуть от него не знающую разрывов нить истории высшей школы региона к настоящему, а, напротив, чтобы обнаружить в этой истории провалы, развилки и тупики, дабы не угодить в них еще раз. В данном отношении статья продолжает разговор о проблемах высшего образования России и региона, начатый авторами на страницах журнала. В центре их внимания по-прежнему находится противостояние двух моделей развития высшей школы, рассматриваемое на этот раз в контексте радикально и стремительно менявшейся в первое послереволюционное десятилетие социально-экономической и политико-идеологической среды, по ходу реформирования новой властью высшего образования в направлении придания ему профессионального (практического) характера для реализации задач развития страны.

**THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF IRKUTSK REGION:
A TEMPLE OF SCIENCE VS. A PERSONNEL FACTORY
(1920's–1930's)**

Alexander P. Sukhodolov, Dmitry Ya. Maidachevsky

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Article info

Received
September 23, 2016

Accepted
October 12, 2016

Available online
October 31, 2016

Keywords

Higher education; East
Siberia State University;
Siberian Institute of Finance
and Economics; practice-
oriented education; Stalin
industrialization

Abstract

In 2017 Baikal State University will commemorate its 110th anniversary as well as 110 years of the Irkutsk commercial education, of which the university is a rightful heir and nowadays is a successor of educational traditions. The upcoming anniversary is a good reason to review the past. However, we are not going to consider a common continuous thread of the higher education development in Irkutsk region; on the contrary, we shall focus on its raptures, failures and deadlocks so that we would not fall into such traps ever again. In this regard, the current paper continues the discussion of the higher education issues in Russia and in Irkutsk region, which we began in this journal a while ago. We remain focused on the confrontation of the two models for the higher education development, and this time we consider this phenomenon in the context of the rapidly changing social-economic and political-ideological environment during the first 10 past-revolutionary years, when the new authorities began reformation of the higher education to make it more professional and practice-oriented.

* Продолжение, начало см.: Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26, № 4. С. 525–533.

Вряд ли внимательному и вдумчивому читателю первой части данной статьи потребуются долго и многословно объяснять, в силу каких причин на страницах одного из номеров губернской «Власти труда» появилось объявление (рис. 1), впечатлившее авторов настоящей статьи как своим содержанием, так и формой, начиная с бросающегося в глаза противоречия между сожалением о невозможности оказать более существенную финансовую поддержку и фактом совершенно необязательного размещения этих нескольких строк в разделе платных объявлений газеты и завершая присутствием в коротком тексте газетного объявления (!) очевидного смыслового ударения, достигаемого с помощью повторения слов «помощь ВУЗАМ». Опубликованное в период устроенного губернскими властями с 1 по 15 апреля 1923 г. «двухнедельника помощи вузам» (рис. 2)¹, оно скрытым за этими словами сарказмом и звучащей в них обидой лучше иных обширных статей убеждает не только в крайне острой конкуренции, развернувшейся на образовательном пространстве региона, но и в несовершенном характере последней.

Педагогический Совет Иркутского промышленно-экономического техникума, не имея возможности, вследствие крайне ограниченного содержания, какнибудь более существенно притти на помощь ВУЗАМ, постановил отчислить 20% в помощь ВУЗАМ из получаемого за март месяц содержания.

Рис. 1. Объявление. Власть труда. 1923. 13 апр.

На помощь Вузам.

„На помощь Вузам, на попоць* Вузам“, —
Клячат планаты. Читай. Гляди.
По всем ячейкам. по всем союзам,
На помощь Вузам все, как один!
Нет, Вузы наши — не „храм науки“,
Где тайны ведают „жрецы“.
Уже давно рабочих руки
Сорвали маски и венцы.
Там ритмы фабрик, там кузниц горны
Готовят новых кузнецов,
В работе смелых, в борьбе упорных,
За счастье будущих бойцов.
На фронт хозяйства страны убогой —
Запасы сил несете вы.
Там, в стенах Вузов, крепнет много
Побед октябрьских часовых.
Им, молодым, в рабочих блузах
Мы дать послынное должны...
На помощь Вузам, на помощь Вузам,
За солнце будущей весны!

Алая.

Рис. 2. Стихотворение.
Власть труда. 1923. 1 апр.

¹ Строки из стихотворения «На помощь Вузам» публикующейся под псевдонимом Алая поэтессы К. Ольховской, открывавшего посвященный «двухнедельнику» номер газеты «Власть труда» от 1 апреля 1923 г.: «Нет, вузы наши — не „храм науки“, / Где тайны ведают „жрецы!“ и «Там ритмы фабрик, там кузниц горны / Готовят новых кузнецов» — могли бы послужить хорошим эпиграфом к данной статье, но не поэтическим выражением тех процессов, что разворачивались на образовательном пространстве города.

Упомянутый же «двухнедельник» был направлен на привлечение «самых широких рабоче-крестьянских масс» большого региона, простиравшегося от Енисея до Амура и от Якутска до Троицкосавска (Кяхты), к делу помощи вузам Иркутска, помощи, включающей и индивидуальные пожертвования, и взносы — деньгами или продуктами — от государственных, частных и кооперативных предприятий и организаций. И хотя на момент проведения общественной акции в число высших учебных заведений входили университет и практический политехнический институт, широко растиражированные «Тезисы для докладов на местах» (впоследствии именовавшихся политинформациями) не оставляли сомнений ни в основном бенефициаре, ни в условиях получения им выгод и льгот. Победителем в борьбе за бюджетные (преимущественно местные) средства, а также за административный ресурс назначался университет, который усилиями новой власти начиная с 1920 г. не просто «непрерывно расширялся, укреплялся», а сознательно и целенаправленно встраивался, как со всей определенностью заявляли авторы «Тезисов...», «органическим звеном в систему государственного аппарата власти» [1].

Впрочем, «Тезисы...», будучи идеологическим продуктом, содержали еще упоминание о «всякого рода инженерах и техниках», по преимуществу рабоче-крестьянского происхождения, подготавливаемых для работы в отраслях народного хозяйства [Там же], т. е. о массовом высшем образовании, или «фабрике кадров» — практическом политехническом институте. Его ректор даже опубликовал на страницах «Власти труда» обширную по газетным меркам статью, подчеркивавшую общность целей вузов: «Высшие учебные заведения, в сущности, все специальные, и задача их — создание фонда живых производительных сил. Вот почему они вправе надеяться на широкую общественную помощь» людей, сознающих, что «они помогают и себе как членам хозяйственно-общественного коллектива» [2]. Однако состоявшийся 12 мая 1923 г. по результатам «двухнедельника» пленум Иркутского губисполкома был посвящен исключительно университету и его нуждам, хотя до принятия Главпрофобром решения о реорганизации Ирполприна в «средний политехникум», не говоря уже о реакции на него местных властей, оставалось еще целых два месяца.

Репортаж газеты «Власть труда», озаглавленный «Иркутский университет и его нужды», примечателен по меньшей мере в

двух отношениях. Во-первых, «лукавством», присутствующим в основном докладе ректора университета Н. Д. Бушмакина (и вполне сопоставимым с идеологической заданностью вышеупомянутых «Тезисов...»), с которым тот, сознавая «стесненное положение местного бюджета», от имени Иргосуна «просил не столько материальных средств, сколько моральной поддержки». Во-вторых, «пророчеством», содержащимся в заключительном слове докладчика и предрекавшим, что при отсутствии вполне осязаемой, материальной помощи от университета останется «только одна вывеска!» [3]. Этому «пророчеству» суждено было сбыться как раз в силу оказания университету финансовой помощи из местного бюджета, не ограничившейся средствами от проведения денежных лотерей или обложения в его пользу кинематографов, а основывавшейся на куда более прочном фундаменте — однопроцентных отчислениях с сумм уездных бюджетов [4], помощи, не пошедшей впрок больному университетскому организму, поскольку болезнь эта была отнюдь не благоприобретенной или порожденной текущими социально-экономическими проблемами, а преследовала его от рождения.

Уже не первые неясные симптомы, а отчетливые признаки заболевания проявили себя буквально по горячим следам описанных выше событий. Местные историки науки и образования склонны игнорировать их, полагая во многом надуманными, если вовсе не происками государства, стремившегося любыми путями сократить бюджетные траты. На первый взгляд, действительно, решением Сибревкома, утвердившим перечень финансируемых государством сибирских высших учебных заведений, Иркутский университет едва не лишился педагогического факультета, будучи сведен к медицинскому, ФОНу и рабфаку. Основанием послужило отрицательное заключение комиссии из Новониколаевска, обследовавшей факультет в начале лета 1923 г. Оставляя в стороне вопрос о дальнейшем развитии ситуации с факультетом, обратим внимание лишь на ключевой изъян в его работе, выявленный, заметим, не без участия студенческого актива — в большинстве своем учителей школ первой ступени, получивших свое образование в педагогическом техникуме, в который был преобразован упоминавшийся нами практический педагогический институт.

Дабы избежать упреков в неверной интерпретации чужих слов или их выдергивании из контекста, доверим характеристику

упомянутого изъяна (он же — «язва педфака») — нами, впрочем, уже обозначенного выше — не просто современнику, но, очевидно, сотруднику факультета тех лет. Скрывший свое имя за криптонимом Н, он писал на страницах «Власти труда»: «Стремление физико-математического отделения, бывшего самостоятельным факультетом, к прежнему своему состоянию в корне подрывало идею нашего факультета как педагогического. Все силы, как материальные, так и научные, сосредоточились на физико-математическом отделении, а педагогические и гуманитарные дисциплины играли роль падчерицы при злой мачехе. От педфака оставалось одно только название, одна вывеска, т. к. в действительности был цветущий физико-математический факультет и захудалый гумфак» [5]. Выделим слова автора статьи о дискредитации самой идеи педагогического образования как практико-ориентированного — именно этой стороне проблемы был посвящен почти весь остальной ее текст, начиная с констатации факта, что «его [педфака] многочисленные кабинеты и лаборатории работают с чисто научными, узкоспециальными целями, без малейшего даже намека в сторону педагогики», и завершая выводом о необходимости перестройки образовательного процесса в направлении придания ему способности давать «не только сухие кабинетные знания, но и умение применять их на деле...» [Там же].

Насколько точен был автор в постановке диагноза, настолько же неубедителен он оказался в путях лечения «язвы педфака», полагая действенным средством специализацию педагогов в области естественно-научных дисциплин. Столь же паллиативным (буквально — не излечивающим, хотя и поддерживающим жизнь) был путь, избранный факультетом общественных наук — судьба экономического отделения которого, закрытого решением Главпрофобра в связи с созданием практического промышленно-экономического института, интересует нас прежде всего² — с момента его реорганизации в 1924 г. ФОН на пять лет, вплоть до создания на его основе самостоятельного экономического факультета, становится факультетом права и местного хозяйства — правфаком, или, как его чаще, смещая акценты, со временем станут именовать, хозправфаком. Воссоздание в его

² Мы не рассматриваем всерьез краткосрочное существование в структуре правового отделения ФОНа кооперативного цикла, в рамках которого читались, наряду с «кооперативными», и некоторые экономические дисциплины.

структуре в 1925 г. экономического отделения (хотя и называвшегося официально отделением местного хозяйства) можно рассматривать как попытку повернуть время вспять, воспроизводя ситуацию с университетским экономическим образованием более чем четвертьвековой давности и наглядно демонстрируя ее неуместность в принципиально изменившихся за последние годы условиях.

Первая («виттевская») волна индустриализации, накрывшая Россию в указанный период, обусловила уже упоминавшийся нами «прагматический» поворот траектории развития образования³, который можно сказать, не затронул сосредоточенную на юридических факультетах университетов и целиком принадлежавшую сфере науки систему обучения экономической теории (политической экономии), фактически не связанную с возможностью использования получаемого знания на практике. Обострив отношения между университетскими «юристами» и «экономистами», вдохновленными «интервенционистской политикой в сфере высшего образования, проводившейся Министерством финансов под руководством Витте», негативно оценивавшим «рутину юридических факультетов» [6, с. 235], перемены не привели ни к созданию самостоятельных экономических факультетов, ни к формированию профессионального экономического сообщества. Если система экономического образования в стране и претерпела изменения, то исключительно благодаря параллельному — если не сказать альтернативному⁴ — строительству системы образования коммерческого. По мнению И. М. Камова, открытие в Иркутске уже новой властью промышленно-экономического института фак-

³ Мишель Тисье, имея в виду дисциплинарную его составляющую, с полным на то основанием называет этот поворот «экономическим» [6, с. 235].

⁴ Как представляется, за упомянутой «альтернативностью» скрывается серьезная научная проблема. История экономического образования, однако, привычно находится в тени истории экономической науки (хуже того — истории экономической мысли). Автор единственной обнаруженной нами в постсоветской историографии работы (соискатель, заметим, степени кандидата не экономических или исторических, а педагогических наук), специально посвященной досоветской истории высшего экономического образования, выделяет в последней три этапа. Первые два из них связаны с университетом, его философским и юридическим факультетами, а вот третий — с коммерческими вузами. Факт, который в работе, к сожалению, остается без внятного объяснения [8, с. 8, 13–14]. Не склонны авторы и упрощать проблему, утверждая, что всего-то «термином “коммерческий” тогда определяли все экономическое» [9, с. 10].

тически на базе существовавшего с 1907 г. коммерческого училища, даже невзирая на вызванный событиями революционного лихолетья перерыв в его работе, явилось завершающей стадией этого строительства, подведением здания под крышу высшего образования, которую закономерно венчала бы подготовка вузом преподавателей специальных экономических/коммерческих дисциплин [7].

Отказ от достройки системы экономического/коммерческого образования в регионе и, более того, разрушение ее фундамента — образования среднего специального, как и возведение «новодела» на пустыре⁵ юридического факультета университета, стали не только зримыми результатами победы последнего в борьбе за скудные бюджетные средства. Они же — не столь очевидные для современников шаги на пути, ведущем к появлению «язвы» теперь уже экфака, лечение которой в ходе второй («сталинской») волны индустриализации заставит прибегнуть к хирургическому вмешательству, стоившему жизни всему городскому университету. Чересчур много «язв» образовалось на теле университета, чтобы общество, вставшее на путь во многом судьбоносной для него модернизации, могло мириться с ними. Но именно борьба с «новообразованием», или «новоделом» (как именуют, нередко с иронией, копию утраченного оригинала) — имитацией встраиваемой в университетский ландшафт практико-ориентированной модели коммерческого образования под названием «экономический факультет»⁶, находилась, на наш взгляд, в эпицентре пред-

⁵ Вряд ли можно счесть сколько-нибудь надежным фундаментом упоминавшийся выше цикл кооперативных дисциплин, будь то кооперативное право, теория и история кооперации или кооперативное строительство в Сибири.

⁶ После знакомства с историей становления высшего экономического образования в регионе авторы не склонны считать образ университета, представившего «на страницах печати и в руководящих документах хаотическим конгломератом различных факультетов и отделений, который должен быть реорганизован с учетом курса на всемерную индустриализацию и решение актуальных хозяйственных задач», исключительно результатом нападков «функционеров различных ведомств и идеологического актива на университет как таковой» [10, с. 48]. Университет — и Иргосун яркое тому подтверждение — давал немало поводов для подобных характеристик, отнюдь не являвшихся надуманными. Приведем одну из них в формулировке (на наш взгляд, весьма удачной) заместителя декана факультета права и местного хозяйства Иркутского университета тех лет: «...неясность академических очертаний, расплывчатость и перегруженность учебного плана, не дававшие возможности студентам сосредоточить свое внимание на специальных предметах» [11, с. 59].

принятых государством на исходе 1920-х гг. реформ высшей школы. Именно с экфака начнутся реформы в Иргосуне, именно они станут началом его конца.

Возведение малопригодного для экономического образования строения продолжалось без малого пять лет. Столько хозяйственное отделение оставалось частью хозправфака — этого «юрфака» советского образца, медленно, но уверенно выходя из тени юридического образования, утрачивая функцию идеологической ширмы для него (на экфаке эта роль перейдет к отделению советского строительства) и даже выдвигая своих представителей в руководство факультета, при этом находясь, по словам последнего, в состоянии непрерывных и усиленных «исканий» учебных планов, «отвечающих целевой установке ф[акультета]та» — внимание! — на «сближение с практикой», и «новых методов преподавания» [11, с. 60–62]. «Искания» эти завершились в конечном итоге «открытием» для себя циклов (направлений специализации) — кооперативно-торгового и финансового, устраняющих главный недостаток подготовки профессиональных экономистов — «отсутствие детальной специализации в определенных практических областях» [Там же, с. 62]. Вот только открытие это было «повторным», от «первоначального» его отделяло более четверти века: еще на старте XX столетия высшая коммерческая школа начала вооружать учащихся знаниями, умениями и навыками в зависимости от выбранного направления специализации, обеспечивая возможность освоения ими набора специальных дисциплин.

Отнюдь не новыми были и методы преподавания. Факт движения вперед и совершенствования уже сложившихся практик коммерческого образования подтверждают слова И. М. Камова о том, что «базируясь на основе общего образования, промышленно-экономический институт выдвигает на первый план лабораторные и практические занятия, для чего имеют быть применены новейшие лабораторные и студийные методы преподавания»⁷ [7]. И, напротив, в лучшем

⁷ В первой части статьи мы уже упоминали о доставшемся в наследство от коммерческого училища промышленно-экономическому институту «обширном инвентаре учебно-вспомогательных пособий», на основе которых начали функционировать кабинеты и лаборатории последнего. Здесь лишь добавим, что, по данным архивных источников, «вообще весь учебный инвентарь [иркутского училища] ...выходил из рамок даже лучших средних учебных заведений» (цит. по: [12, с. 150]), приближая его по оснащенности учебно-процесса к вузам.

случае о топтании на месте, если не о движении вспять, свидетельствуют «методические искания» строителей экономического факультета университета. Ведь речь шла всего лишь о поиске оптимального соотношения между лекциями и семинарами [11, с. 60] — своеобразном продолжении дискуссии, развернувшейся в начале века на юридических факультетах тогда еще императорских университетов, или о завершившейся безрезультатно попытке «опрактичения» юридического образования [6, с. 212–226]. Единственной «новацией», о которой иначе как в кавычках и говорить не приходится, стало стремление втиснуть между чисто «книжными» кабинетами политической экономии, экономической политики или науки о финансах еще и лабораторию товароведения, совсем не вписывающуюся в архитектуру «классического» университета и к тому же давно ставшую символом образования коммерческого.

Резолюция «Об исполнении решений июльского (1928) пленума ЦК о подготовке технических кадров», принятая ноябрьским 1929 г. Пленумом ЦК ВКП(б), с ее более чем определенным сигналом в адрес занятых подготовкой экономистов высших учебных заведений — «коренным образом улучшить дело подготовки экономистов как для промышленности, так и для торговых, финансовых, плановых и статистических органов; упорядочить систему и направление экономических вузов; придать соответствующим вузам, факультетам, отделениям более определенное целевое назначение в связи с потребностями народного хозяйства; пересмотреть программы и учебные планы применительно к целевой установке того или иного вуза, факультета, отделения» [13, с. 149] — заставила Иргосун форсировать завершение строительства «новодела». Если небольшая заметка во «Власти труда» от 17 января 1930 г. информировала общественность о начавшейся реорганизации хозправфака [14], то развернутая статья в номере от 2 февраля рапортовала уже об окончании последней и знакомила читателей со структурой и отличительными чертами его нового подразделения [15].

Реорганизация, впрочем, была как никогда далека от своего завершения. И свидетельствовала об этом отнюдь не еще одна статья с тем же примерно содержанием, но озаглавленная уже «Экфак перестраивается» [16], появившаяся месяц спустя. Инициированная сверху (Главпрофобром), перестройка была направлена на достижение цели устранения

существовавшего разрыва между запросами предприятий и организаций и «продукцией» вуза или «отсутствия детальной специализации» и шла уже привычным и не ведающим своих границ путем — путем изменения существующей структуры и академического статуса подразделений. Отныне в составе самостоятельного экономического факультета вычленились отделения (советского строительства, промышленное и торговое), в свою очередь включавшие в себя циклы (судебный и организационно-инструкторский, экономики труда и плановый, торговли и товароведения соответственно), которые, однако, могли иметь и самостоятельный статус (например, финансовый цикл). Но и на этом движение навстречу практике не завершалось, дополняясь наличием в структуре отделений и/или циклов еще и уклонов, призванных учесть, например, «характер предприятий» (их отраслевую принадлежность), для которых готовились специалисты [16]. Так, на финансовом цикле подобными уклонами предстояло стать бюджетно-налоговому и банковско-кредитному.

Заметим, что в подбор с вышеупомянутой статьей «Власть труда» напечатала письмо студентов — выпускников новоявленного факультета с призывом о помощи, в котором обращает на себя внимание не только и не столько факт царящей на факультете неразберихи, при желании легко объяснимой «ломкой и перестройкой» учебного процесса. Куда более важным представляется факт тонко, хотя и невольно подмеченной авторами — или же стоящими за ними сотрудниками газеты — искусственности преобразований, идущих не от жизни, потребностей практики, а от самых общих и отвлеченных о них представлений. Он нашел выражение в характеристике, даваемой студенческой группе в соответствии со специализацией не просто как «промышленной», а «сконструированной» [17], как «сконструированы» были структура факультета и учебные планы отделений, циклов и уклонов, так и не изжившие, вопреки ожиданиям, присущей им от рождения «расплывчатости» и «неясности очертаний».

Вряд ли стоило ожидать, что подведение «новодела» (экономического факультета) под новую крышу — обретение им летом 1930 г. по инициативе местных и краевых властей академического статуса института (с чисто механическим статусным ростом его подразделений) — как-то изменит ситуацию в лучшую сторону. И дело было в отсутствии у института не столько учебных площадей или

литературы [18], сколько ответов на вопросы, стоявшие некогда и перед отделением факультета права и местного хозяйства, и уже перед экономическим факультетом Иргосуна: «Кого и для кого выпускать?» — и тесно с ними связанные: «Чему и как учить?» Когда же стало очевидным, что от института их не дождаться, газета «Восточно-Сибирская правда» разразилась статьей, заголовок и подзаголовок которой не нуждаются в комментариях — «Собираются готовить всезнающих незнаек. Экономический институт предполагает готовить экономистов вообще, а не по отдельным отраслям народного хозяйства» [19], фактически поставившей жирную точку в истории экономического института и обозначившей начало демонтажа не только его, но и городского университета в целом.

Впрочем, далеко не все подразделения экономического института разделили участь прекратившего свое существование университета. Не касаясь их всех, сосредоточим внимание лишь на том, что послужило фундаментом для Сибирского финансово-экономического института. За ничтожно короткий срок — менее чем за полгода — некогда финансовый цикл проделал путь от отделения к факультету и далее к самостоятельному институту. Назовем только два, на наш взгляд, ключевых фактора, благоприятствовавших этому. Во-первых, вновь сработала «схема» Витте⁸, еще на рубеже веков полагававшего, что для нормального развития экономическое образование должно располагать собственным образовательным пространством, быть избавлено от сдерживавших его пут юридических факультетов и в целом университетской системы — обрести иной, нежели в рамках Министерства народного просвещения (или Наркомпроса), ведомственный статус. Вот и финансовое отделение уже на этапе обретения статуса (академического) финансово-экономического факультета указывает на Народный комиссариат финансов РСФСР и Госбанк СССР как на его (факультета) если не учредителей, то «организаторов», в любом случае подчеркивая факт тесной интеграции с ними, по существу определяя направление, в котором будет меняться как академический, так и административный его статус в дальнейшем (рис. 3).

⁸ Модель эта со всей очевидностью просматривалась за теми строками уже цитировавшейся нами резолюции ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК ВКП(б), что призывали «ВСНХ, Наркомторг, Наркомфин, Госплан, Центросоюз и ЦСУ... теснее связаться с наркомпросами и с вузами для обеспечения более успешной подготовки экономистов и выполнения принятых пленумом ЦК решений» [13, с. 149].

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ в составе 3-х отделений

1. ФИНАНСОВОГО 2. КРЕДИТНОГО и 3. УЧЕТНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО.
Целью создания Финансово-Экономического факультета является подготовка высококвалифицированных работников эконо-
номико-финансового до всех видов финансовой и кредитной систем, обучение активно участвовать в руководстве производством
реконструкции народного хозяйства и финансовой системы Союза в соответствии с задачами экономического и финансового плана-
техники.

Подготовка экономико-финансового производится на основе изучения марксистско-ленинской теории науки и углубленной
проработки экономических, учетно-статистических и социологических финансово-кредитных дисциплин.

СРОК ОБУЧЕНИЯ—ТРИ ГОДА

Район обслуживания—Сибирь, Дальне-Восточная область, Бурято-Монгольская республика, Якутия и Камчатка.
Правление, профессоры и финансово-экономический отдел, персонал в работе должны брать пример жизни и по-
внушения на факультете необходимо во всех случаях учитывать интересы и детей рабочих, батраков и колхозников, так как
многие факультеты будут распределять на работу по призыву молодежи в те районы, которые их обслуживают.

**Рис. 3. Объявление (фрагмент).
Власть труда. 1930. 1 июля. С. 6.**

Содержание и тон публикации в местной газете, посвященной создаваемому факультету и принадлежащей перу его организатора и первого «заведующего» Феликса Иосифовича Чудновского (1896–1983), при этом разительно отличались от уже цитировавшейся выше статьи заместителя декана факультета права и местного хозяйства. И дело отнюдь не в том, что последняя предназначалась для юбилейного сборника. Отражившая процесс движения вчерашнего юрфака к экономическому институту, она полна «расплывчатости» и «неясности очертаний» его будущей структуры, тогда как статью Чудновского, напротив, отличали четкость и даже известный схематизм, производный, однако, от ясно осознаваемых автором целей и задач — отражающих запросы практики — возглавляемого факультета. Позволим себе, иллюстрируя данный факт, обширную цитату: «Составление единого финансового плана и отдельных составных частей его: бюджета, кредитного плана, промфинплана и т. д. — является основной задачей финансистов-экономистов. Своевременное определение размеров и методов накопления, источников накопления, определение содержания, объемов и методов распределения являются задачей финансистов-экономистов. Финансовый факультет призван готовить теоретически и политически грамотных финансистов-экономистов для финорганов, банков, промышленности, товаропроводящей сети, сельского хозяйства и коммунального хозяйства и для плановых органов. В соответствии с этим на факультете имеются три отделения: финансовое отделение, кредитно-финансовое отделение и учетно-финансовое отделение» [20].

Упомянутая публикация, озаглавленная, заметим, «Кузница кадров финансистов», указывает и на второй фактор, также способствовавший делу стремительной институционализации экономического образования именно в областях финансов и кредита.

Речь идет о фигуре Ф. И. Чудновского — чьи дальнейшие усилия привели к созданию Сибирского финансово-экономического института, первым директором которого (1930–1931 гг.) он стал, — интересной в контексте нашего исследования не столько административными или научными достижениями в достаточно короткий иркутский период его жизни, сколько полученным прежде образованием и педагогическим опытом. Отнюдь не случайно, а как раз в силу специфики последних именно «варягу», а не местному «кадру» — экономическое отделение факультета права и местного хозяйства, напомним, просуществовало в Иргосуне на тот момент почти пять лет — довелось и удалось поставить на ноги высшее экономическое образование в Иркутске. Образование же и предшествующий преподавательский опыт, насколько о том позволяет судить полная неточностей и противоречий статья Г. Ф. Сонича [21], были приобретены Ф. И. Чудновским почти исключительно в возникшей после революции (и преимущественно на базе коммерческих вузов и училищ) системе промышленно-экономического образования. Высшее финансовое образование он получил в Московском финансово-экономическом институте, на момент его окончания ставшем финансово-экономическим циклом/факультетом Московского промышленно-экономического института, где он и начал старшим ассистентом свою преподавательскую деятельность. Не будет, на наш взгляд, преувеличением сказать, что практико-ориентированное коммерческое, а равно и промышленно-экономическое образование спустя годы в лице Чудновского «возвратилось» в Иркутск, вернув некогда захваченные у него городским университетом позиции.

Торжественное открытие Сибирского финансово-экономического института было приурочено к празднованию очередной годовщины Великой Октябрьской революции (8 ноября 1930 г.), но отмечено отнюдь не вручением студенческих билетов первокурсникам, а первым выпуском «банковцев и финансистов», начинавших свое обучение еще на финансовом факультете. Сообщавшая об этом событии краевая газета, делая акцент на слове «сибирский» в названии вуза, не без гордости добавляла, что «институт обслуживает Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Тихоокеанский края, Бурят-Монголию, Якутию и Ойротию. С открытием института заполнится прорыв в подготовке финансовых кадров для Сибири

и Дальнего Востока» [22] (рис. 4). Примечательно, что на той же газетной полосе, но в разделе объявлений, приглашая на подготовительные курсы, подавал признаки жизни Восточно-Сибирский экономический институт — все еще остававшаяся «бесхозной» и дожидаящаяся организационно-методической, а главное, финансовой поддержки Народного комиссариата торговли, в чье ведение ей предстояло отойти, часть экономического института Иргосуна.

ОТКРЫТИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Позавчера состоялось торжественное открытие Сибирского финансово-экономического института. К торжественному открытию был приурочен выпуск банковцев и финансистов, кончающих институт 15 ноября. С приветственными выступлениями представители партийных, советских и общественных организаций.

Рис. 4. Открытие Сибирского финансово-экономического института (фрагмент).
Восточно-Сибирская правда. 1930. 10 нояб.

До последнего будет цепляться за жизнь и сам Иргосун, надеясь вступить в новый учебный год в составе едва ли не двух факультетов — советского строительства и права, а также рабочего. Однако слово «ликвидация» уже прозвучало. На страницах все той же «Восточки» 12 августа 1930 г. было опубликовано объявление, из содержания которого чаще предпочитают выхватывать выделенную жирным шрифтом информацию о факте реорганизации университета «в три самостоятельных института» и тем акцентировать внимание всего лишь на переменах в академическом статусе последних, при этом отодвигая на задний план упомянутый в тексте факт предстоящей их передачи в ведение «соответствующих Наркоматов», т. е. изменения ведомственного статуса, и совсем игнорируя присутствие в объявлении «формулы» сообщения о ликвидации самого университета как юридического лица, включая крайний срок — до 1 сентября 1930 г. — предъявления претензий (рис. 5).

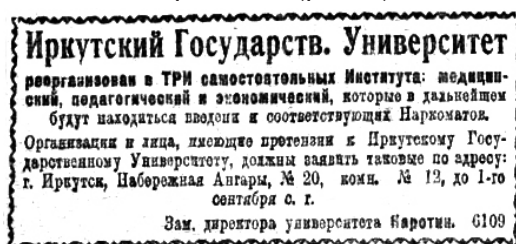

Рис. 5. Объявление.
Власть труда. 1930. 12 авг.

Не приходится сомневаться, что 1930/31 учебный год стал одним из самых непростых в истории высшей школы города. Увереннее других, пожалуй, чувствовали себя на его образовательном пространстве Восточно-Сибирский медицинский и Сибирский финансово-экономический институты, ранее других ощутившие вкус свободы. Последний, хотя и не развернул всех трех своих отделений, дважды в год (осенью и весной) набирал слушателей на два из них — финансовое и кредитное (рис. 6). Много меньше повезло педфаку и факультету советского строительства и права — их университет до последнего не будет отпускать из своих цепких объятий⁹.

Сибирский Финансово-Экономический Институт

(организованный на базе Финансово-Экономического Факультета Иркутского Государственного Университета)

в составе 2-х отделений:

1. ФИНАНСОВОГО и 2. КРЕДИТНОГО

Объявляет набор студентов на все курсы Института.

Целевой установкой Сибирского Финансово-Экономического института — является подготовка высококвалифицированных специалистов экономистов-финансистов в области планирования и регулирования финансовой и кредитной систем, а также организаторов (оперативных работников), могущих активно участвовать в руководстве процессами реконструкции народного хозяйства и финансовой системы, в соответствии с задачами экономической и финансовой политики.

Прием заявлений и получение различных справок производится в канцелярии института по адресу: г. Иркутск, ул. К. Маркса и Ленина, д. № 15—17. Справки, анкеты и условия приема высылаются по первому требованию.

Директор Института Чудновский. 48

Рис. 6. Объявление (фрагмент).
Восточно-Сибирская правда. 1931. 9 янв.

Куда более оптимистично, а главное, разнообразнее, оставив далеко позади в этом отношении «рекордный» 1921/22 учебный год и вновь демонстрируя — теперь уже абсолютный — перевес «практических» высших учебных заведений, выглядело это пространство в канун следующего, 1931/32 учебного года. Помимо уже упомянутых вузов, на нем появились Сибирский институт советского строительства, Сибирский институт советского права, Иркутский индустриально-педагогический институт. В этот ряд с полным на то основанием можно поставить и наследника упоминавшегося нами ранее Ирполприна — Сибирский горный институт. И лишь один новый вуз — Восточно-Сибирский государственный университет — должен быть оставлен за его пределами. Впрочем, точнее будет сказать, что он сам поставил себя

⁹ Причина этого очевидна — стремление во что бы то ни стало сохранить минимальный набор факультетов, в число которых вряд ли стоит включать рабфак. М. Д. Карпачев, например, как раз поместил Иркутский университет в разряд тех, что были закрыты «в связи с полной утратой факультетов» [23, с. 128–129].

вне его, в полном соответствии, заметим, с буквой и духом постановления СНК РСФСР «О реорганизации государственных университетов» от 13 июля 1931 г. № 752, которым был создан.

Было бы, конечно же, преувеличением — в связи с новым пришествием университета на образовательное пространство города — вести речь о повторении ситуации десятилетней давности, о новом витке противостояния «храма науки» и «фабрик кадров». Не только станут различными на тот момент их «весовые категории», но и упомянутое постановление достаточно четко разведет их целевые установки. Куда более интересной и поучительной в контексте предпринятого исследования представляется нам поэтому борьба двух университетов — «нового» и «старого», а если учесть последующее неистребимое стремление наводить мосты между ними, рассматривать как этапы жизни одного организма или соединять разрывы истории с помощью универсального клея «университетской традиции» — борьба с собственным прошлым, которая стала еще одной формой противостояния научной и практико-ориентированной моделей развития высшей школы.

Предваряя начало набора в новый университет осенью 1931 г. (рис. 7), его директор Г. К. Русаков в опубликованной в краевой газете статье достаточно популярно донес до читателей идеи постановления Совнаркома, по возможности адаптировав их к местным условиям. С одной стороны, новому университету предстояло занять свою достаточно скромную нишу на образовательном пространстве региона, осуществляя подготовку не «педагогов, врачей и хозяйственников», а научных работников «по ряду натуралистических», т. е. естественно-научных, дисциплин. С другой стороны, вуз позиционировал себя как учебное заведение, готовящее не просто кадры «исследователей территориальных пространств Восточной Сибири», но «кадры для кадров», кадры для «развертывания сети учебных институтов и научно-исследовательских учреждений» естественно-научного профиля. Борьба с прошлым в данной статье выразилась лишь в противопоставлении структур «открытого в 1931 году» университета и университета, «когда-то существовавшего» (sic!) в Иркутске и готовившего медиков, педагогов и юристов, да в заслуживающем быть помещенным в один ряд с ним упоминании «открытого в недавнее время (!) Томского университета» [24].

**Восточно-Сибирский
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОБЪЯВЛЯЕТ
ОСЕННИЙ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ**

ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТДЕЛЕНИЯМ:

1. ФИЗИЧЕСКОЕ со специальностью прикладной физики.
2. ХИМИЧЕСКОЕ со специальностью Аналитической химии.
3. ПОЧВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ со специальностью гидрографии и гидрометрии.

Целевая установка университета — готовить научных работников для исследовательских учреждений и преподавателей для ВТУЗОВ и ВУЗОВ в частности:

**Рис. 7. Объявление (фрагмент).
Восточно-Сибирская правда. 1931. 28 авг.**

Следующая статья, появившаяся уже на страницах первого номера «Трудов Восточно-Сибирского государственного университета» (новый вуз начал, разумеется, и новый их отсчет)¹⁰, не только подводила — если отталкиваться лишь от названия — итоги первого года работы, но и указывала на иные характеристики последнего. Университет объявлялся не просто «фабрикой советских ученых», но «высшим звеном теоретического знания» в системе высшей школы, в которую постановление включило, помимо университета, еще вузы и втузы (институты). Указанная статья воскрешает в памяти многочисленные публикации рубежа веков, посвященные университетскому вопросу — назревшей потребности региона в «храме науки». Совсем в духе данных публикаций ее автор утверждает, что «грандиозные исследования производительных сил Восточной Сибири могут быть произведены не заезжими исследователями, которые были и будут мимолетными гостями, не могущими в силу недостатка времени, при всем своем желании, охватить изучаемые явления во всей их полноте и глубине и вести систематические исследования, а лишь своими исследователями, проникнутыми интересами своего края, гордыми его развитием» [26, с. 7].

«Когда-то существовавший» в городе «храм науки» — Иргосун — дождался, наконец, в статье некогда столь желанной характеристики «старого университета», являвшейся для его отцов-основателей синонимом «классического». Создатели «молодого университета» иначе смотрели на этот вопрос: давая подобную характеристику, они действительно ставили его с университетами дореволюционными в один ряд, построенный, однако, в соответствии с другим признаком — целевой установкой быть «фабрикой спецов». Не довольствуясь

¹⁰ Мало чем отличающаяся версия этой статьи в следующем году была опубликована в издававшемся в Иркутске литературно-художественном и краеведческом журнале «Будущая Сибирь» [25].

этим, автор статьи «роется в архиве старого университета», доставая оттуда на свет божий документы, призванные бросить тень отнюдь не на один лишь досоветский период истории Иргосуна. Занявший чуть более двух из двенадцати лет его существования период, когда университет играл роль «фабрики кадров для буржуазии», объявляется автором долгим¹¹ [26, с. 12], заметим, непростительно долгим, затянувшимся в том числе по вине НЭПа и завершившимся фактически лишь с их (и НЭПа, и Иргосуна) естественной и закономерной кончиной.

Раздел объявлений краевой газеты тех лет пестрел заявлениями о разрыве отношений с родственниками по идеологи-

ческим мотивам. Вот и «молодой университет» совсем в духе времени отрекся от «старого» как осквернившего «храм науки» и превратившего его в «фабрику кадров», хотя и не преминул предъявить свои права на часть его наследства, будучи создан на базе кабинетов педфака — тех самых, что некогда стали символом чисто научных устремлений предшественника. Начав со скромных претензий на особый академический статус «очага научно-исследовательской работы, очага подготовки научных кадров по естественно-научным и математическим специальностям» [Там же, с. 8], он со временем, подобно последнему встраиваясь «органическим звеном в систему государственного аппарата власти», двинется в сторону обретения особого административного статуса производителя региональной элиты — советского «классического» университета.

¹¹ Очевидно, заметив указанное несоответствие при подготовке текста статьи для публикации в журнале «Будущая Сибирь», редакторы сочли необходимым восстановить, как пропущенную автором, отрицательную частицу «не» [25, с. 91].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Задачи и значение высшего образования (Тезисы для докладов на местах в порядке «Двухнедельника») // Власть труда. — 1923. — 23 марта.
2. Пескин А. 2 ½ года жизни и борьбы за существование Политехникума / А. Пескин // Власть труда. — 1923. — 3 апр.
3. Пленум Иркутского губисполкома // Власть труда. — 1923. — 15 мая.
4. К удовлетворению нужд университета // Власть труда. — 1923. — 8 июня.
5. Н. Из жизни Педфака / Н. // Власть труда. — 1923. — 15 июля.
6. Тисье М. Высококатегорная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в. / М. Тисье // Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. — М.: Высш. шк. экономики, 2015. — С. 207–239.
7. Камов И. М. Высшее промышленно-экономическое образование в Сибири / И. М. Камов // Власть труда. — 1921. — 16 окт.
8. Чернецов М. Б. Становление и развитие экономического образования в высшей школе России XIX — начала XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / М. Б. Чернецов. — Пенза, 2006. — 24 с.
9. Афанасенко И. Д. Страницы истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета / И. Д. Афанасенко // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2016. — № 4 (100). — С. 7–28.
10. Дмитриев А. Н. Переизобретение советского университета / А. Н. Дмитриев // Логос. — 2013. — № 1. — С. 41–64.
11. Черепяхин Б. Факультет права и местного хозяйства / Б. Черепяхин // Десять лет Иркутского университета. 1918–1928. — Иркутск: Изд. Юбил. комис., 1928. — С. 55–67.
12. Катцина Т. А. Становление профессионального коммерческого образования в Сибири (1900–1919 гг.) / Т. А. Катцина, Л. Е. Мариненко, С. А. Лисина // Высшее образование в России. — 2014. — № 1. — С. 144–151.
13. Об исполнении решений июльского (1928) пленума ЦК о подготовке технических кадров: резолюция Пленума ЦК ВКП(б) от 16 нояб. 1929 г. // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский; под ред. И. Д. Давыдова, И. Г. Клабуновского. — 3-е изд., пересм. и доп. — М.; Л.: ОГИЗ, 1931. — С. 146–153.
14. Хозправфак реорганизуется // Власть труда. — 1930. — 17 янв.
15. Рослый И. Вместо хозправфака — экономический факультет / И. Рослый // Власть труда. — 1930. — 2 февр.
16. Луцкий С. Экфак перестраивается / С. Луцкий // Власть труда. — 1930. — 1 марта.
17. Помочь ударной группе Экфаковцев // Власть труда. — 1930. — 1 марта.
18. Зицирман. Экономический институт без учебных помещений / Зицирман // Власть труда. — 1930. — 17 авг.
19. Чердж Х. Собираются готовить всезнающих незнаек / Х. Чердж // Восточно-Сибирская правда. — 1930. — 30 авг.
20. Чудновский Ф. Кузница кадров финансистов / Ф. Чудновский // Власть труда. — 1930. — 5 июня.
21. Сонич Г. Ф. Чудновский Феликс Иосифович // Иркутская государственная экономическая академия: история в лицах: справ.-биограф. изд. / Г. Ф. Сонич. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. — С. 13–16.

22. Открытие Сибирского финансово-экономического института // Восточно-Сибирская правда. — 1930. — 10 нояб.
23. Карпачев М. Д. Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Воронежского государственного университета) / М. Д. Карпачев // Новое прошлое. — 2016. — № 2. — С. 121–136.
24. Рузаков Г. К организации Иркутского гос. университета / Г. Рузаков // Восточно-Сибирская правда. — 1931. — 28 авг.
25. Рузаков Г. Наш университет / Г. Рузаков // Будущая Сибирь. — 1933. — № 1. — С. 89–92.
26. Рузаков Г. К. Год работы Восточносибирского госуниверситета / Г. К. Рузаков // Труды Восточно-Сибирского государственного университета. — М. ; Иркутск : ОГИЗ, 1932. — Вып. 1. — С. 5–15.

REFERENCES

- Goals and meaning of the higher education (Abstracts for talks to be delivered at the field level during «Fortnight»). *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1923, March 23. (In Russian).
- Peskin A. Two and a half years of fighting for the Polytechnic School. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1923, April 3. (In Russian).
- The plenum of the Irkutsk Governorate Executive Committee. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1923, May 15. (In Russian).
- Meeting the university needs. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1923, June 8. (In Russian).
- N. Life of the Pedagogical Faculty. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1923, July 15. (In Russian).
- Tis'e M. A high-status subject and a vague science: theory and practice of the Russian law in the end of 19th century — the beginning of the 20th century. In Dmitriev A. N., Savel'eva I. M. (eds). *Nauki o cheloveke: istoriya distsiplin* [Human sciences: the history of subjects]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015, pp. 207–239. (In Russian).
- Kamov I. M. Higher industrial and commercial education in Siberia. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1921, October 16. (In Russian).
- Chernetsov M. B. *Stanovlenie i razvitie ekonomicheskogo obrazovaniya v vysshei shkole Rossii XIX — nachala XX veka. Avtoref. Kand. Diss.* [Foundation and development of economic education in Russian universities in the 19th century– the beginning of 20th century. Cand. Diss. Thesis]. Penza, 2006. 24 p.
- Afanasenko I. D. Pages of history of Saint-Petersburg State University of Economics. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Izvestiya of Petersburg State University of Economics*, 2016, no. 4 (100), pp. 7–28. (In Russian).
- Dmitriev A. N. Reinventing the Soviet University. *Logos*, 2013, no. 1, pp. 41–64. (In Russian).
- Cherepakhin B. Department of Law and Domestic Economy. *Desyat' let Irkutskogo universiteta. 1918–1928* [The 10th anniversary of the Irkutsk University. 1918–1928]. Irkutsk, Jubilee Committee Publ., 1928, pp. 55–67. (In Russian).
- Kattsina T. A., Marinenko L. E., Lisina S. A. Formation of professional commercial education in Siberia (1900–1919). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2014, no. 1, pp. 144–151. (In Russian).
- On the enforcement of judgments of the July (1928) Plenum of Central Committee regarding training of technical professionals: the resolution of the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks dated November 16, 1929. In Podzemskii A. Ya.; Davydov I. D., Klabunovskii I. G. (eds). *Direktivy VKP(b) po voprosam prosveshcheniya* [Education Guidelines of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks]. 3rd ed. Moscow, Leningrad, OGIZ Publ., 1931, pp. 146–153. (In Russian).
- The Faculty of Law and Economics is being reorganized. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1930, January 17. (In Russian).
- Roslyi I. The Faculty of Law and Economics is being transformed into the Faculty of Economics. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1930, February 2. (In Russian).
- Lutskii S. The Faculty of Economics is changing. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1930, March 1. (In Russian).
- How to help the leaders of the Faculty of Economics. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1930, March 1. (In Russian).
- Zitsirman. Institute of Economics is left without premises. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1930, August 17. (In Russian).
- Cherdzh Kh. They are going to train all-knowing dummies. *Vostochno-Sibirskaya pravda = East Siberia Bulletin*, 1930, August 30. (In Russian).
- Chudnovskii F. Talent pool for financiers. *Vlast' truda = The Power of Labour*, 1930, June 5. (In Russian).
- Sonich G. F. Chudnovsky Felix Iosifovich. In Sonich G. F. (ed.). *Irkutskaya gosudarstvennaya ekonomicheskaya akademiya: Istoriya v litsakh* [Irkutsk State Economic Academy: History in Faces]. Irkutsk State Economics Academy Publ., 2000, pp. 13–16. (In Russian).
- The opening of the Siberian Institute of Finance and Economics. *Vostochno-Sibirskaya pravda = East Siberia Bulletin*, 1930, November 10. (In Russian).
- Karpachev M. D. The Radical Reorganization of Universities in the USSR in 1929–1933 (on the Materials of Voronezh State University). *Novoe proshloe = The New Past*, 2016, no. 2, pp. 121–136. (In Russian).
- Rusakov G. On founding the Irkutsk State University. *Vostochno-Sibirskaya pravda = East Siberia Bulletin*, 1931, August 28. (In Russian).

25. Rusakov G. Our university. *Budushchaya Sibir = Siberia of the Future*, 1933, no. 1, pp. 89–92. (In Russian).
 26. Rusakov G. K. The first year of operation of the East Siberia State University. *Trudy Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the East Siberia State University]. Moscow, Irkutsk, OGIZ Publ., 1932, iss. 1, pp. 5–15. (In Russian).

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович — доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@bgu.ru.

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Библиографическое описание статьи

Суходолов А. П. Высшая школа региона: «храм науки» против «фабрик кадров» (1920–1930-е годы) / А. П. Суходолов, Д. Я. Майдачевский // Известия Байкальского государственного университета. — 2016. — Т. 26, № 5. — С. 693–704. — DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(5).693-704.

Authors

Alexander P. Sukhodolov — Doctor habil. (Economics), Professor, Rector, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: rector@bgu.ru.

Dmitry Ya. Maidachevsky — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of the History and International Relations, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: history@bgu.ru.

Reference to article

Sukhodolov A. P., Maidachevsky D. Ya. The higher education system of Irkutsk region: a temple of science vs. a personnel factory (1920's–1930's). *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2016, vol. 26, no. 5, pp. 693–704. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(5).693-704. (In Russian).